

23 июня (6 июля)

Священномученик
Александр (Миропольский)

Священномученик Александр родился в 1847 году в семье диакона Степана Гурьевича Миропольского, служившего в Покровском храме в селе Белая Гора Чистопольского уезда Казанской губернии. Начальное образование Александр получил в духовном училище, где учителя говорили ему, что он имеет исключительные способности к изучению языков, и советовали ему поступать в университет; как способному ученику, они усердно преподавали ему французский и немецкий языки. По окончании училища Александр поступил в Казанскую Духовную семинарию и, проучившись в ней некоторое время, принял твердое решение стать священником. Учась в семинарии, он присмотрел себе и невесту, предполагая сразу по выходе из семинарии жениться.

В 1868 году Александр окончил Духовную семинарию и отправился домой. В это время туда же приехал его брат-священник, служивший в селе Новотроицком, и пригласил его к себе погостить. Александр согласился, тем более что и предполагаемая невеста жила недалеко от тех мест. По дороге они заехали к благочинному, но дома его не застали; здесь хозяйствовала его сестра, Евгения, так как сам благочинный был вдов. Брат спросил Александра: «Не посватать ли нам за тебя сестру благочинного?!» – «И вот как бы какой-то туман покрыл мою голову, – вспоминал он впоследствии, – и я бессознательно отвечал: как хотите...»

Отец Евгении служил священником в храме в селе Апазове Казанского уезда в приходе, состоявшем в основном из крещеных татар. Заручившись его согласием, Александр отправился к архиепископу Казанскому Антонию (Амфитеатрову) просить место священника и, получив его, женился и был рукоположен во священника ко храму в селе Александровское Чистопольского уезда.

Но прослужил он здесь недолго. В 1871 году тяжело заболел его тесть, и, когда отец Александр приехал навестить больного, тот стал его уговаривать перейти на его место, так как он собирается уходить за штат по болезни. Отец Александр не хотел переходить в село, где жило много мусульман, и многие уже крещеные татары снова перешли в мусульманство. Но было трудно отказать тестю, которого отец Александр искренне любил, он – согласился и написал прошение, но с большими оговорками, так что в тот момент был почти уверен, что ему откажут. Тесть, прочитав прошение, встал на колени перед иконой Спасителя и молился перед ней с такой верой, что отец Александр, бывший тут же, понял, что Господь эту молитву услышит. И действительно, вскоре он был переведен в Покровский храм в село Апазово, где прослужил большую часть жизни. Хотя отец Александр знал татарский язык в совершенстве, местные крещеные татары с неудовольствием приняли его, так как в это время среди них началось движение за назначение в приходы священников из татар, а отец Александр был чисто русским. В начале своего служения он был назначен увещателем отпадших, а затем и окружным миссионером. Впоследствии он был возведен в сан протоиерея.

В 1881 году отец Александр овдовел и, оставшись с двумя малолетними дочерьми, он принял решение, пристроив дочерей, принять монашество, но явившийся ему во сне отец Иоанн Кронштадтский посоветовал взять в дом девочку-сироту и продолжать служить в том же селе. Священник так и сделал, и впоследствии она стала большой ему помощницей.

«В 1881 году... более двухсот душ отпало... в мусульманство, – писал отец Александр. – Я немного пал... духом и хотел уйти в другой приход; но предварительно пошел в церковь, помолился и о намерении писать прошение после литургии забыл... Я продолжал служить и работать, насколько мог... Слава Богу, в 1883 году мои отступники все возвратились в православие, и я еще более ожил духом. Однако же меня стала чаще беспокоить мысль, почему это школа производит малое влияние на инородцев, которые продолжают стремиться в мусульманство. Я начал заглядывать повнимательнее в учебники и пособия. Оказывается, учебники по Закону Божию составлены пусто и темно, а еще хуже пособия... Меня это поразило. Я написал об этом доклад... что таковое содержание книжек составляет сеяние не пшеницы, а плевел...»¹ «В 1887 году я убедился, что миссионерские курсы при академии приносят больше вреда, чем пользы, ибо там, не преподавая необходимых сведений о христианстве, весьма подробно выясняли учение Мухаммеда, без сопоставления его с христианским – а от сего крещенные инородцы-курсисты отатаривались. Я, как миссионер архиепископа, написал ему о том доклад, который сдан был владыкою на рассмотрение Совета академии и для составления новой программы для курсов, о чем я просил владыку...»²

В 1900 году отец Александр был назначен служить в Троицкий собор в городе Мамадыш, где в 1905 году в связи с революционными волнениями у него начались неприятности, – мамадышская интеллигенция стала упрекать его в устарелости и отсталости его взглядов, найдя поддержку в своих суждениях и среди местного духовенства; в результате создалась невозможная для отца Александра обстановка в городе, и он попросил архиерея перевести его на старое место, но архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин) предложил ему вместо этого поступить без вступительных экзаменов, как человеку пенсионного возраста, в Казанскую Духовную академию, куда отец Александр и был принят в 1906 году.

Он имел право прослушивать все лекции, пользоваться академической библиотекой, но, как не сдававший вступительных экзаменов, не имел права писать семестровые работы, сдавать экзамены и переходить с курса на курс. Однако, выслушав весь курс преподаваемых в академии предметов, он мог получить удостоверение, что в течение четырех лет прослушал академический курс по выбранному им отделению. Отец Александр выбрал отделение миссионерское. Он мечтал, прослушав курс академии, вооружиться новыми знаниями и послужить еще Церкви Христовой на миссионерском поприще.

Оценив вполне за свою долгую жизнь важность знаний, он за четыре года не пропустил ни одной лекции, первым приходил в аудиторию и последним уходил из нее, а все свободное время проводил в библиотеке. Он был самым усердным богомольцем и священнослужителем академического храма. Являя собой образец исправности в исполнении своего послушания, он к тому же призывал и своих однокурсников, которые по возрасту годились ему во внуки. И когда, бывало, студенты не приготовят вовремя учебную работу, протоиерей Александр мягко им замечал: «Эх, молодые люди... Вам погулять все хочется, вот

дело то и стало... а ведь жизнь не ждет... В жизни придется волей-неволей быть аккуратными, вот и надо бы приучаться к этому в академии. Ведь потом, небось, других учить этому будете»³.

Оканчивая академию, он стал размышлять, какое выбрать место служения. Один из учившихся с ним студентов предложил ему поехать в Екатеринбургскую епархию, откуда сам был родом, а кроме того, там проживало много мусульман, а отец протоиерей был известен как опытный противомусульманский миссионер.

Отец Александр последовал его совету и в 1911 году был направлен служить в Успенский храм Каслинского завода Екатеринбургской епархии. 22 декабря 1912 года он был назначен епархиальным миссионером.

«В течение всей моей 44-летней службы, – писал отец Александр, – все передвижения мои с места на место были под руководством Промысла Божия, который... направлял службу мою на миссионерское служение инородцам. Даже супружество мое состоялось не по моему выбору, а как будто по случайности, приведшей меня в село Апазово. Даже и то обстоятельство, что, несмотря на мои усердные труды в Духовной академии, мне не дали формально ученой степени, послужило к тому, что я теперь служу “инородцам”... Да будет же святая воля Господа Бога моего... до конца дней моих...»⁴

Делясь с братьями богатым опытом на поприще миссионерской деятельности, отец Александр писал: «Наша довольно продолжительная, пастырская и миссионерская деятельная практика дала нам возможность убедиться в том, где и в чем скрывается условие успеха... Итак, любовь – любовь не на словах, в виде учения Христова, но любовь – жизнь Христова в нас – крайне необходима для успехов в пастырской и миссионерской деятельности. Только жизнь любви в пастырях и пасомых может обновить приходскую жизнь и “восстановить приход”, раздираемый самолюбием тех и других»⁵.

Через несколько лет после принятия в 1906 году закона о свободе совести, все воочию смогли наблюдать его отрицательное влияние на нравственное состояние общества. «Совесть человека есть зеркало жизни его, – писал отец Александр, – догреховная она была совокупностью совершенств, отпечаток образа и подобия Божия – а греховная она стала отпечатком нравственного уродства сердца человеческого, “сознанием” своих самолюбивых, чувственных страстей и пороков. “Свобода” таковой “совести” должна быть всемерно ограничиваема и утесняема...

Всякая ли “совесть” должна в одинаковой степени пользоваться “свободой” проявления своего внутреннего содержания и всякая ли религия может пользоваться свободой воспитания своих исповедников? Нельзя же сравнить в правах пользования “свободой” христианства, проповедующего любовь ко всем, и мухаммеданства, проповедующего ненависть к врагам и убийство иноверцев. Можно теперь понять и то, какая великая ошибка кроется в даровании “свободы” вероисповеданий. Не свобода здесь нужна, а лишь веротерпимость»⁶.

Но свобода для развития всякого рода греха расширялась, захватывая все большие слои народа, и в конце концов завершилась разбоем.

В первый раз семидесятилетний старец был арестован в конце 1917 года за распространение религиозно-нравственных книг на татарском языке. Только после удостоверения татар, что в книгах нет ничего контрреволюционного, совет рабочих депутатов освободил священника. Вторично протоиерей Александр был арестован красногвардейцами 22 июня 1918 года и в ночь на 23 июня – расстрелян⁷. Палачи, не удовлетворившись расстрелом, нанесли ему несколько

столь сильных ударов, что лицо его обезобразилось до неузнаваемости, в боку зияла страшная рана, одна нога была сломана и проколота ступня, «и в конце концов [его], связанного по рукам, бросили в яму»⁸.

Тело пастыря-мученика было найдено после ухода из селения красногвардейцев. 7 июля 1918 года в Успенском храме Каслинского завода состоялось отпевание протоиерея Александра Миропольского и священников Петра Беляева и Петра Смородинцева и двадцати семи мирян. Пострадавшие от безбожных властей священномученики были погребены около Успенского храма⁹.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Июнь».
Тверь. 2008. С. 415-419

Библиография

Наши святые (Екатеринбургская епархия). Выпуск 1. Екатеринбург: Ново-Тихвинский женский монастырь, 2006.

Примечания

---

¹ Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1912. № 37. С. 886-887.

² Там же. № 38. С. 913.

³ Известия Екатеринбургской Церкви. 1918. № 16. С. 309-310.

⁴ Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1912. № 39. С. 943.

⁵ Там же. № 48. С. 1149, 1152.

⁶ Там же. № 41. С. 978-980.

⁷ ОГАЧО. Ф. И-226, оп. 20, д. 291, л. 268 а.

⁸ Известия Екатеринбургской Церкви. 1918. № 16. С. 291.

⁹ Там же. С. 289-294.